

4. Книпович Н. М. Положение морских рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии (Из отчетов Министерству Земледелия и Государственных Имуществ по командировкам 1893 и 1894 гг.). СПб., 1895.
5. Книпович Н. М. О рыбных морских и звериных промыслах Архангельской губернии (Отчет Министерству Земледелия и Государственных Имуществ по командировке 1895 года). СПб., 1897.
6. Славентатор Д. Е. Ученый первого ранга. Л., 1974.
7. Отчет о деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера за 1894—1907 г.г. // Рус. судоходство. 1907—1908 (Приложения).
8. Жалобы поморов // Новое время. 1900. 29 июля (11 авг.). С. 4.
9. По поводу заметки «Нового времени» о сообщении г. Книповича // Рус. судоходство. 1901. № 231—235. С. 160—161.
10. Држевецкий В. Ф. 10 лет работ по исследованию Мурмана // Вестн. рыбопромышленности. 1908. № 3. С. 151—167.
11. Книпович Н. М. Основы гидрологии Европейского Ледовитого Океана. СПб., 1906.
12. Брейтфус Л. Л. По поводу докладов в Имп. Рос. Обществе Рыбоводства и Рыболовства 25 окт. 1903 г., касающихся отчета о деятельности Мурманской научно-промышленной экспедиции за 1902 г. // Рус. судоходство. 1904. № 3 (263). С. 126—147.
13. Брейтфус Л. Л. О Комитете для помощи поморам Русского Севера. СПб., 1910.
14. Брейтфус Л. Л. О необходимости дальнейших научно-промышленных исследований на Севере // Рус. судоходство. 1908. № 12 (320). Приложение. С. 1—22.
15. Аверинцев С. В. Зоологические и ихтиологические исследования Мурманской научно-промышленной экспедиции; их отношение к промысловому делу и их желательное направление в будущем // Рус. судоходство. 1909. № 1 (321). Приложение. С. 1—30.
16. Држевецкий В. Ф. По поводу десятилетних работ Мурманской научно-промышленной экспедиции // Рус. судоходство. 1908. № 12 (320). Приложение. С. 1—33.
17. Мурманская научно-промышленная экспедиция в обсуждении на заседаниях А.О.И.Р.С. // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 1. С. 26—48.
18. Протокол заседания Промыслового отдела Императорского Общества судоходства 7 октября 1908 г. // Рус. судоходство. 1908. № 12 (320). Приложение. С. 1—16.
19. Аверинцев С. В. Несколько слов о постановке научно-промышленных исследований у берегов Мурмана // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 2. С. 26—38.
20. Краткий обзор научно-промышленных исследований в текущем году экспедиции В. Ф. Држевецкого на Мурман // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 3. С. 59—62; № 15. С. 62—80.
21. Копытов Н. Л. Мурмано-Канинские рыбные промыслы // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1911. № 10. С. 757—766.
22. Аверинцев С. В. Материалы по изучению тралового промысла в Баренцевом море // Тр. Научн. ин-та рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 139—148.
23. Пришвин М. М. По северу России // Рус. судоходство. 1908. № 7 (315). С. 44—64; № 8 (316). С. 72—95.
24. Промысловое предприятие Д. Н. Масленникова на Севере // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1909. № 9. С. 82—83.
25. Книпович Н. М. Траловый промысел в Баренцевом море // Вестн. рыбопромышленности. 1914. № 1—2. С. 34—50.
26. Киселев А. А., Красноваев А. И. История мурманского тралового флота (1920—1970 гг.). Мурманск, 1973.
27. Држевецкий В. Ф. О тралловом лове // Тр. III съезда рыбопромышленников. 1912. Вып. 2. С. 524—528.
28. Аверинцев С. В. В чем опасность для мурманского рыболовства? // Рус. судоходство. 1909. № 6 (326). С. 122—124.
29. Жилинский А. А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг., 1917.
30. Аверинцев С. В. О траловом промысле на севере // Рыбное хозяйство. 1923. Кн. 3. С. 132—139.
31. Аверинцев С. В. Материалы к познанию промысловых рыб и рыболовства Баренцева моря в связи с перспективами дальнейших исследований // Тр. Научн. ин-та рыбн. хоз-ва. 1927. Т. 2—3. С. 3—24.
32. Аверинцев С. В. Краткий отчет о промысловых работах в течение 1918 года «Экспедиции для исследования рыбных промыслов Северного Ледовитого океана» // Тр. Сев. научно-промышл. эксп. Пг., 1921. № 6. С. 3—15.
33. Доклад профессора Аверинцева о деятельности Северной научно-промышленной экспедиции // Изв. Арх. О-ва изучения Русского Севера. 1918. № 10—12. С. 229—231.
34. Северное Научно-промышленное объединение // Товарищеское дело. 1918. № 5. С. 7—10.
35. Об изучении природных богатств Севера // Товарищеское дело. 1918. № 25. С. 15—19.

36. Аверинцев С. В. О Мурманских промыслах // Рыбопромышленность. 1913. № 1. С. 2—16.
37. Аверинцев С. В. Современное состояние и возможное будущее рыболовства на севере России (Доклад на заседании Северного отдела Русско-Американского комитета 8 дек. 1918 г.) // Журнал Отд. земледелия Временного Правительства Сев. области. 1919. № 1. С. 52—60.
38. Аверинцев С. В. На рыболовном траулере в полярном море. Из дневника натуралиста. М.-Л., 1928.
39. Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. 2 изд. М., 1982.
40. Аверинцев С. В. Рец.: Н. Н. Пушкарев. О посоле северной сельди // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1925. № 5. С. 29—30.
41. Аверинцев С. В. Материалы по изучению трашового промысла в Баренцевом море // Тр. Науч. ин-та рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 139—148.
42. На траулерах в Баренцевом море (25 лет советского рыболовного трашового флота). М.-Л., 1946.
43. Аверинцев С. В. Об организации научно-промышленной экспедиции для изучения биологии беломорской сельди и ее промысла // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 12—13.
44. Аверинцев С. В. По поводу заметки Архоблгосрыбпрома // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1924. № 1. С. 14.
45. Аверинцев С. В. Наука и рыбная промышленность // Бюлл. рыбн. хоз-ва. 1929. № 2. С. 10—11.
46. Развитие рыбной промышленности Мурманской области, 1920—1985. Мурманск, 1986. Т. 1.
47. Месяцев И. И. Итоги работ по изучению берегового промысла на Мурмане в 1930 г. // Докл. Первой сессии ГОИНа (14—22 апреля 1931 г., Москва). № 3. С. 79—106.
48. Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928—1935 гг. М., 1993.
49. Аренин К. Осиное гнездо // Ленингр. правда. 1933. 5 марта.
50. Вержбинская Н. А., Гинецинская Т. А. Мурманская станция // Очерки по истории С.-Петербургского Общества естествоиспытателей (125 лет со дня основания) // Тр. СПБОЕ. СПб., 1993. Т. 91. Вып. 1. С. 121—134.
51. Аверинцев С. В. О работах Северной сельдяной экспедиции // За рыбную индустрию Севера. 1933. Т. 6. С. 16—20.

В. С. САВЧУК

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ (1917—1931)

Научные общества в структуре историко-научных исследований организации науки

Организация науки, тенденции ее развития — одна из важнейших проблем историко-научных исследований. Длительное время в основном изучались те ее формы, которые имели плановый, централизованный, государственный характер: в первую очередь Академия наук, университеты, институты и лаборатории. В то же время объединения, имевшие более самодеятельный характер, более демократические устои, считались неперспективными, не играющими существенной роли в общей структуре и процессах организации науки. И это не удивительно, ибо такой стереотип сложился под влиянием определенной специфики организации научной деятельности и особенностей социального развития общества. Формы самоорганизации в СССР, которые возникали в научной среде, существовали в той или иной степени в «прокрустовом ложе» огосударствления и идеологизации. Возможно, это и было той причиной, которая создала определенные стереотипы представлений об объединениях типа научных обществ и их роли в организации науки, которые даже при смене ориентиров в нашем обществе все еще отягощают сознание и не дают возможности расширить границы самореализации субъектов научной деятельности.

Между тем XIX — начало XX столетия дают яркие примеры организации на-

уки в Российской империи не только в таких формах, как Академия наук, университеты и институты, но и в форме научных обществ*. О роли последних могут свидетельствовать, например, слова Д. И. Менделеева, который писал: «Если научные исследования в России... начали положительно интересовать ученых всего мира, то этому чрезвычайно сильно способствовало развитие и создание у нас научных обществ» [7, с. 182].

В формализованной организационной структуре советской науки последнего периода научные общества как бы не существовали. Как констатирует одна из ведущих работ по вопросам организации науки, «сложившаяся к настоящему времени организационная структура науки в СССР включает: 1) академические научные учреждения; 2) учреждения высшей школы; 3) научные учреждения и научно-технические организации в промышленности, сельском хозяйстве и других сферах народного хозяйства» [8, с. 90].

Однако времена меняются. В дискуссионной статье Д. А. Александрова и Н. Л. Кременцова обращено внимание на то, что «в историко-научных исследованиях, как правило, рассматривается история крупных научных учреждений, академических и ведомственных институтов. При этом в тени остаются история развития вузовской науки и деятельность научных обществ. Между тем именно вузовская наука и научные общества оказались меньше втянутыми в процесс огосударствления... Особенno почетная роль в организации сопротивления монополистическим устремлениям в советской науке принадлежит некоторым научным обществам. Относительная организационная и финансовая независимость, демократичность выборов руководства обеспечили сохранение в них нормального научного этоса» [9, с. 74—75]. На российско-американском семинаре «Наука и техника с человеческим лицом» (Санкт-Петербург, 1994) М. В. Конашев и С. А. Орлов, рассматривая новые подходы к истории науки, отметили среди позитивных изменений и то, что «наметились пути преодоления той ситуации, когда гетерогенность науки рассматривалась только через призму государственной организованности и кадровой динамики. Предметом исследования становится советское научное сообщество как таковое. Проблемы этой как бы раньше не существовало» [10, с. 5—6].

Весьма существенным является поиск ответа на вопрос — на каком же этапе исторического развития СССР возникло пренебрежительное отношение к самодеятельным организациям научного сообщества, к их демократическим устоям как несовместимым с системой структурирования науки, которая набрала силу в советской державе?

В советской историографии сложилась такая ситуация, при которой история добровольных обществ в целом и научных в частности рассматривалась в основном в пределах Москвы и Санкт-Петербурга. Деятельность же тех из них, которые действовали в отдаленных регионах Российской империи — в нынешних постсоветских государствах — практически не изучалась. Как справедливо указывала еще в 1981 г. Т. П. Коржихина, «имеющаяся сейчас литература строится в основном на материалах общесоюзных или московских и ленинградских обществ, а приводимый в отдельных случаях местный материал призван обычно играть иллюстративную роль для подтверждения общих черт развития» [11, с. 122]. Между тем общества, которые действовали в свое время на Украине, в Прибалтике, Бессарабии и т. п., играли в научной и культурной жизни столь значительную роль, что без анализа их деятельности многие аспекты развития духовной жизни в этих республиках и регионах представляются неясными и выхолощенными (см. [12—16]).

В этой связи можно упомянуть, например, работу известного украинского историка Н. Полонской-Василенко, которая еще в 1976 г. обращала внимание на

* Об особенностях и эволюции каждой из этих ветвей организации науки см. [1—6].

необходимость изучения деятельности естественнонаучных обществ Украины в пореформенный период. Наряду с многочисленными научными обществами, целью которых было изучение прошлого Украины — археологии, истории, искусства, — она не обошла вниманием и некоторые естественнонаучные общества (в первую очередь общества естествоиспытателей), указав, в частности, на то, что «результатом их деятельности остались сотни томов различных изданий... Заслуги этих обществ перед украинской наукой колоссальные» [17, с. 382].

Из вышесказанного делается ясным, что изучение самодеятельной, самобытной формы организации науки — научных обществ — вырастает в определенную историко-научную и культурологическую проблему, исследование которой может пролить свет на определенные этапы исторического развития общественной и научной мысли на Украине. Одним из таких этапов, мало разработанным в историко-научной литературе, является период с 1917 по 1931 гг. Именно в это время произошло разрушение сложившейся ранее и создание новой структуры научных обществ.

Организация работы научных обществ Украины в новых исторических условиях (1917—1928)

С чем же подошла научная общественность Российской империи к 1917 г.? После 1900 г. в стране было создано только 6 высших учебных государственных заведений (общее число — 65)*. Неудивительно, что уже начало XX в. ознаменовалось широким распространением общественных и частных высших учебных заведений. В 1900—1917 гг. в России насчитывалось более 80 таких вузов, а к февралю 1917 г. их было 59 [18]. Научная общественность приобрела богатый опыт организации вузов и научных учреждений. С развалом государственной системы в годы гражданской войны стала особенно очевидной инициирующая и созидающая роль научных обществ в сохранении отечественной науки и высшей школы. В первую очередь это относилось к хорошо организованным естественнонаучным и научно-техническим обществам [19, с. 36].

Деятельность естественнонаучных обществ Украины в этот период представляет особый интерес. Если обратиться к обществам юга Российской империи, то высокая степень их структурированности, огромный опыт научно-организационной деятельности — в сочетании со значительным притоком творческой интеллигенции и студенческой молодежи на юг Украины, в Крым, и сохранившимися там, хотя и в минимальной степени, возможностями контактов с зарубежными учеными — создали определенные условия для сохранения и организации научной деятельности и системы высшего образования даже на фоне событий гражданской войны. Так, при активном участии естественнонаучных и научно-технических обществ юга Украины и Крыма были созданы Политехнический институт (Одесса), Таврический университет (Крым) и другие вузы и научные учреждения. В отношении Крыма В. И. Вернадский в свое время писал: «Научная жизнь в Крыму в 1917—1921 гг. шла непрерывно и временами при маломальных благоприятных условиях приобретала интенсивность, небывалую в истории края», хотя Крым «пережил около десяти смен властей и некоторые смены переживались им очень тяжело» [20, с. 3, 4]. Вернадский также отмечал, что «ни одно из старых учченых учреждений Симферополя за это время не погибло» [20, с. 5]. В числе последних были Крымское Общество естествоиспытателей и любителей природы, Ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба и другие, возникшие еще до 1917 г.

Большую работу по объединению естественнонаучных обществ и организаций в годы войны проводило Украинское Научное общество. Особенно выделяется его

* Рассчитано автором статьи на основании данных, приведенных в [18].

деятельность по подготовке и проведению I съезда естествоиспытателей Украины [21, 22]. В работе оргкомитета приняли участие 32 естественнонаучных общества и учреждения, существовавшие к тому времени в Киеве. На съезд были приглашены практически все известные естествоиспытатели Украины. И только условия военного времени не позволили приехать в украинскую столицу большей части приглашенных. Съезд состоялся 2—6 августа 1918 г. Его открыл доклад Вернадского «Объединение и организация естествоиспытателей Украины». Основная мысль, прозвучавшая в докладе, состояла в том, что «нужно сейчас уже заботиться об объединении деятелей естественников всей Украины в ассоциацию естествоиспытателей, а поскольку естественные науки не всегда можно размежевать с другими, кроме этой ассоциации необходимо основать союз научных ассоциаций» [22, л. 40 об.]. Съезд отметил плодотворную деятельность Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы, а также лично Ф. Э. Фальц-Фейна* в деле охраны природы и направил в их адрес поздравительные телеграммы. Важные положения были высказаны в докладе В. И. Талиева «Значение земств, обществ естествоиспытателей и любителей природы в деле изучения природы Украины», включавшем, в частности, предложения о правительской поддержке деятельности научных обществ и создании печатного органа, «объединяющего и руководящего отдельными обществами» [23, л. 16].

На съезде был рассмотрен ряд других важных для культурной жизни Украины вопросов, в том числе вопросы о музейной работе, об украинской научной терминологии, о развитии украинских университетов и вузов, популяризации естественнонаучных знаний и т. п. Впервые были разработаны комплексные программы естественнонаучных исследований на Украине, а также организационные принципы объединения естествоиспытателей.

Не все организационные начинания научной общественности в этот период были успешными, особенно из-за быстро менявшейся политической обстановки, но они являлись своего рода центром притяжения для ученых и студенческой молодежи и тем самым в определенной степени помогли сохранить интеллектуальный слой общества, от которого зависело дальнейшее развитие науки в стране. Можно сказать, что в масштабах всей страны общественные научные объединения в период с 1916 по 1921 гг. стремились сохранить и подготовить все необходимые условия для дальнейшей научной деятельности и были объединяющим, интегрирующим ядром интеллигенции. При этом они старались опираться на возникавшие властные структуры, полагая науку таким достоянием, сохранение которого не должно зависеть от преходящих политико-социальных изменений.

Образ науки,形成的авшийся на Украине в 20-е гг., неся на себе печать общих тенденций, характерных для СССР в целом, имел и свои особенности, определявшиеся основными направлениями культурной революции в республике. Так, на Украине к 1921 г. были ликвидированы университеты. Университетская наука как организационная форма была отвергнута. Руководитель украинского Главпрофобра Я. Ряппо писал: «Наша высшая школа, в особенности Университеты с их оторванной от жизни наукой и сколастическими методами преподавания, далеко отстала от Октябрьской пролетарской революции... Отжившими являются для диктатуры пролетариата и организационные формы и вся система высшего образования. Вот почему Укрглавпрофобр поставил в порядок дня не реформу, а революцию — ликвидацию университетов и реорганизацию специальных высших учебных заведений» [24, с. 4]. Наука на Украине стала испы-

* Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн был последним частным владельцем имения Аскания-Нова в Таврической губернии, где он устроил не только образцовое овцеводческое хозяйство, но и зоопарк, центр акклиматизации экзотических видов животных, а также основал в 1898 г. едва ли не первый в пределах Российской империи заповедник, включавший 500 га девственной степи.

тывать серьезные затруднения. Многие из ученых уехали в Россию, где университеты не подверглись такой реорганизации (т. е. не были превращены в институты народного образования). Из реорганизуемых университетов поступали письма-протесты ученых. В этих условиях 2 декабря 1921 г. вышло постановление Совнаркома УССР «Об учреждении научно-исследовательских кафедр в главнейших центрах Украины», направленное на развитие научных исследований [25, с. 848].

К началу 20-х гг. относится и новый этап развития деятельности научных обществ на Украине. В апреле 1921 г. в составе Укрглавпрофобра, входившего в Народный комиссариат просвещения, был организован Научный комитет, на который «было возложено следить за деятельностью научных учреждений Украины и направлять научно-исследовательскую работу» [26, л. 15]. В этот период первоочередной задачей Научного комитета «являлась организация научно-исследовательских кафедр, как особой надстройки над высшими учебными заведениями, причем эта надстройка должна преследовать как цели планомерной организации научных исследований, так равно дать Рабоче-Крестьянской Республике молодую профессуру, проникнутую задачами советского строительства» [26, л. 15].

Параллельно с этим Научный комитет начал проведение «инвентаризации» существовавших на территории Украины научных обществ в целях их перерегистрации и вовлечения в народнохозяйственную жизнь страны. В 1922 г. была разработана специальная регистрационная карта для научных учреждений (обществ, библиотек, музеев и т. п.) и по всей Украине разослан соответствующий циркуляр. Было издано также новое положение о регистрации научных обществ, согласно которому она проводилась в Народном комиссариате внутренних дел [26, л. 31; 27, л. 767]. Порядок учреждения и регистрации научных обществ регулировала специальная инструкция Главпрофобра. Начинать работу научное общество могло лишь после фиксации Губпрофбром. Роль Научного комитета сводилась к предварительному рассмотрению уставов обществ.

Общество могло рассчитывать на субсидии со стороны Наркомпроса только после регистрации, которая имела некоторые особенности, вытекающие из тенденций основных преобразований в области науки и культуры. Названия ряда обществ иной раз вызывали недоумение и даже гнев в руководящих инстанциях. Так, в списке научных обществ, подготовленном Научным комитетом для Я. Ряппо, последний подчеркнул названия тех, в которых имелись слова «научное», «философское» и «при университетах», и направил ученому секретарю Начукома записку с вопросом: «Чем объясняются эти безграмотные наименования и на каких данных и основаниях составлена анкета?» [27, л. 757]. В результате из списка исчез ряд научных организаций (например, Екатеринославское научное общество).

В последующие годы ни одно из научных обществ, возникших до 1917 г., так и не смогло достичь былых масштабов деятельности, и основной причиной этого было довольно прохладное отношение к их финансированию со стороны государственных органов. Так, одно из крупнейших обществ не только Украины, но и Российской империи в целом, Новороссийское (Одесское) Общество естествоиспытателей, в отличие от Киевского и Харьковского, не получало субсидий из государственного бюджета и существовало только за счет членских взносов. Исчезла и мощная поддержка местного самоуправления, игравшая до революции существенную роль. Как писал секретарь Общества В. Лебедев в 1927 г., «современному Одесскому Обществу естествоиспытателей приходится проявлять свою деятельность при совершенно других условиях и со значительно поредевшими рядами научных работников. Много деятельных и выдающихся местных натуралистов умерло, еще большее их число выехало из Одессы... В неблагоприятном смысле изменилось и положение нашего общества. Не будучи официально связанным с высшей школой, оно только на правах гостеприимства приютилось в

Одесском Институте Народного образования, не получив в свое распоряжение отдельного помещения... Но особенно тяжело материальное положение Одесского Общества естествоиспытателей... Это последнее обстоятельство и является главным препятствием, которое мешает вполне реставрировать прежнюю научно-исследовательскую деятельность Общества Естествоиспытателей» [28, с. 3, 4]. Тем не менее работа в Обществе велась достаточно активно. С 1927 г. возобновилось издание научных «Записок», 28 декабря 1926 г. была организована математическая секция, восстанавливавшаяся обмен изданиями. В 1927 г. он осуществлялся с 37-ю, а в 1928 г. — с 45-ю иностранными научными обществами и учреждениями Германии, США, Франции, Англии и других стран.

Следует отметить, что в это время на Украине имела место общая активизация деятельности научных обществ разного профиля. Так, к 1929 г. в республике действовало 51 краеведческое общество, деятельность которых направляла Академия наук Украины [29, с. 5]. По инициативе последней, начиная с 1924 г., в республике возникло значительное число местных научных обществ, объединявших научные силы в рамках различных регионов Украины [30, с. 61]. В их составе работали такие выдающиеся ученые, как Д. И. Яворницкий, Л. В. Писаржевский, В. А. Пархоменко, П. А. Ефремов, А. Э. Малиновский, Д. И. Багалей, А. С. Синявский, М. Е. Слабченко, В. А. Щепотьев, А. А. Яната, М. И. Яворский, Е. П. Сицинский и др. Осуществлялась глубоко проработанная еще в 1918 г. на вышеупомянутом съезде в Киеве идея создания ассоциаций ученых. Она нашла воплощение в виде Украинской Ассоциации физиков (УАФ), Всеукраинской Ассоциации инженеров (ВУКАИ) и других, которые активно сотрудничали с аналогичными ассоциациями России. УАФ, например, выступила инициатором и организатором первого украинского физического журнала «Українські фізичні записки», двух съездов украинских физиков; она объединяла и координировала научную деятельность украинских физиков, содействовала формированию физических научных центров в республике и т. п. [31, с. 72—78].

1928—1929 гг. стали началом «великого перелома» в стране, развития новой системы организации науки, усиления администрирования и командных методов. «Деятельность исследовательских учреждений с этого периода должна была определяться принципами плановой организации исследований и приоритетного значения прикладных результатов. Эта система организации научных исследований нивелировала роль неформальных научных организаций и коммуникаций, научной общественности вообще», — такой вывод делает в своей статье Л. П. Депенчук [32, с. 16]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что возможность «вписывания» научных обществ в плановую систему организации науки на Украине не только не отвергалась, но рассматривалась в таких структурах, как Управление науки Наркомпроса и некоторых других. И только резкая идеологизация научного труда, затронувшая и научные общества, привела к их исчезновению.

Становление административно-командной системы управления наукой и прекращение деятельности научных обществ (1928—1931)

Автор не ставил перед собой задачу всесторонне оценить масштабы вклада научных обществ и ассоциаций в интеллектуальную и хозяйственную жизнь Украины. Такое исследование само по себе представляет серьезную проблему и вызывает интерес. Однако мне казалось более важным оценить общую ситуацию в среде научной интеллигенции, в самодеятельных формах ее организации, а также общеполитические факторы, сыгравшие основную роль в возникновении новых форм объединений ученых, распаде и исчезновении старых обществ и объединений и изменении отношения к последним. Во многих источниках соответствующего периода проводилась мысль о необходимости перестройки организаций научной и технической интеллигенции в условиях социалистиче-

ской реконструкции народного хозяйства, но до сих пор неясно, какие конкретные документы, возникшие в контексте этой перестройки, привели к исчезновению тех научных объединений, которые существовали в 20-е гг. на Украине. Соответствующие постановления (к примеру, о роспуске научных обществ) в историко-научной литературе не приводятся, так как, возможно, их попросту вообще не было. Как следствие, анализ часто сводится к весьма общему описанию влияния «внешних» факторов — идеологии, государственной машины, политики и т. п. Привлечение конкретных малоизвестных и неизвестных источников для оценки ситуации, сложившейся на рубеже 20-х — 30-х гг. в научном сообществе Украины, позволяет высказать более обоснованные суждения о направлении эволюции существовавших научных обществ.

В 1928—29 гг. страна вступала в период жесткого партийного руководства, сопровождавшегося ростом негативного отношения к проявлениям самодеятельности и самоуправления. Тезис о расслоении интеллигенции на представителей «старой» школы и «новой пролетарской науки» дал основания для организации альтернативных идеологизированных объединений ученых. Особая роль среди них принадлежала созданной в конце 1927 г. Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО). Соответствующее общество было организовано и на Украине. Известно, что уставные требования ВАРНИТСО включали пункт о том, что обязательными правилами для членов этой организации являются «непосредственный контакт с партией, полная солидаризация с ней и принятие ее директив в основных задачах научно-общественной жизни» (цит. по: [33, с. 105]). Документы Наркомпроса Украины вторили этому уставу, оценивая в 1928 г. будущую деятельность такой же организации в республике следующим образом: «Общество имеет целью объединить не широкую массу работников науки и техники, занятую в советском строительстве, но лишь тот актив, который идеологически стоит на основе завоеваний Октябрьской Революции и для которого наиболее привлекателен именно социалистический характер строительства советской державы» [34, л. 26]. И хотя далее в том же документе говорилось, что «объединенный таким образом актив работников науки и техники на определенной идеологической основе в то же время никак не имеет в виду противопоставить себя массовым организациям работников науки и техники», фактически такое противопоставление все же имело место.

Система существовавших научных обществ и ассоциаций, даже при наличии указанных выше идеологизированных структур (типа Главпрофобра), все-таки позволяла сохранять определенную самостоятельность, автономность, независимость от идеологических установок, обеспечивала сохранение научного этоса. Поэтому разгон, сведение на нет старых обществ было бы логическим завершением идеологического давления на научную интеллигенцию.

В 1929 г. Госплан УССР провел широкомасштабную акцию по сбору сведений обо всех научных учреждениях республики. Эти сведения были опубликованы в 1930 г. в виде специального справочника [34]. Тем временем на ноябрьской сессии ВУАН 1929 г. было принято внешне неожиданное решение о ликвидации всех местных научных обществ системы Академии наук.

18 января 1930 г. Бюро по изучению производительных сил при Укргосплане обсудило на своем совещании задачи, поставленные Госпланом СССР в отношении системы научно-исследовательских организаций страны. В разделе документов совещания, относящемся к научной общественности, говорилось, что первоочередными задачами являются: «1) учет существующих научных обществ и 2) их роли в осуществлении задач планового реконструктивного строительства, 3) организация научно-технической общественности внутри профсоюзов, 4) нужды научной общественности и необходимые мероприятия для повышения ее роли и лучшего ее использования в интересах социалистического строительства,

5) вопросы координации и объединения научно-технической общественности; увязка работы отдельных научных обществ...» [36, л. 6].

25 января 1930 г. состоялось заседание Управления науки Наркомпроса, на котором также слушался вопрос о реорганизации научных учреждений Украины в связи с соответствующими постановлениями правительства. Были рассмотрены и научные общества. Член Упрнауки профессор А. А. Яната заявил, что план реорганизации «очень осторожен с той точки зрения, что мало затрагивает сеть НКП (Наркомпроса. — В. С.), совсем не касается системы ВУАН и обходит вопросы об общественных организациях и научных обществах» [36, л. 15]. Он обратил внимание на то, что вопросы реорганизации науки не разрешимы, пока не упорядочены отдельные ее элементы. По поводу научных обществ А. А. Яната высказался следующим образом: «Мы имеем ряд примеров, которые доказывают, что есть Научные общества, которые ведут научно-исследовательскую работу, аналогичную работе Института. Сеть этих Научных обществ, особенно старых, досталась нам в наследство, и они остаются неиспользованными в системе государственных учреждений, — а это не реорганизация» [36, л. 15]. В качестве основы структурной организации науки он предложил институт, который, дескать, может приобщить к научной работе все научные силы, в том числе и научные общества.

Таким образом, на разных уровнях речь шла, казалось бы, не о разгоне и ликвидации старых научных обществ, а о том, чтобы найти организационные формы соединения государственных и общественных структур в единой командно-административной системе управления наукой. Возможно, это в какой-то степени могло бы осуществиться, если бы не произошло чересчур явного вмешательства «идеологического фактора». В феврале 1930 г. состоялась коллегия Наркомпроса Украины, на которой было продолжено рассмотрение вопросов организации науки. В принятой резолюции по докладу о реорганизации научно-исследовательских учреждений Упрнауки Наркомпроса говорилось: «Реконструктивный период требует избавления от замкнутости научно-исследовательских учреждений и их оторванности от широких рабоче-крестьянских масс. Коллегия НКП признает необходимой полную и широкую отчетность научно-исследовательских учреждений перед рабоче-крестьянскими массами на фабриках, заводах, колхозах, машинно-тракторных станциях, горсоветах, производственных совещаниях, конференциях...» [36, л. 56]. При реорганизации предполагалось также «пересмотреть весь научный состав», причем оценивать следовало не только вклад в науку: предписывалось исключение «лиц, которые определились враждебным отношением к советской науке».

Логическим завершением стало появление в начале 1930 г. постановления ЦК КП(б)У «О задачах партии в области научной работы». В нем говорилось: «Нашей центральной организационной задачей в области науки является обеспечение действительного перехода к планированию научной работы и введение принципа коллективности в организацию научной работы. Проводя решительную борьбу с мелкобуржуазным индивидуальным отношением отдельных научных работников к вопросам планирования и коллективности в научной работе, борясь с параллелизмом и конкуренцией отдельных наркоматов, мы обязаны создать решительный перелом в этом деле. Это должно найти в ближайшее время свое проявление в создании единого 5-летнего плана по научно-исследовательской деятельности на Украине» [37, л. 35].

Сама по себе задача «введения планирования и коллективности в организацию научной работы», казалось бы, не находится в резком противоречии с принципами деятельности научных обществ. Но далее в том же документе следует раскрытие конкретных форм и методов достижения этой цели, своего рода инструкции, которые многое проясняют в дальнейшей судьбе научных обществ на Украине: «Важные задачи, которые стоят перед партией в области научной работы, требуют, чтобы партруководство научной работой стало органической составной

частью во всей системе партийной работы, чтобы это руководство организационно оформилось снизу и доверху. Такие вопросы, как учет и изучение классовой борьбы по линии науки, учет своих и враждебных кадров с научной стороны, размещение партийных и внепартийных сил и т. п. — все эти вопросы должны в плановом и систематическом порядке стоять перед партийными органами...» [37, л. 36]. Каковы же были конкретные предложения по такой организации научной работы? Вот некоторые из них: «Что касается руководства научной работой, считать необходимым: ... е) признать, что основные научные должности (директор института, руководители кафедры и его заместители, руководители музеев, опытных станций и др.) являются номенклатурными...; ж) ввести для секций научных работников, *правлений научных обществ* (выделено мною. — В. С.) и домов ученых периодическую отчетность перед парторганизацией и упорядочить руководство их работой; з) выборы руководящих органов научных обществ, организаций проводить под непосредственным партийным руководством с назначением парткомиссий для руководства перевыборными кампаниями (выделено мною. — В. С.); и) оформить партийное руководство во время проведения всеукраинских научных съездов с выделением соответствующих парткомиссий. Считать необходимым применить эту методику и к проведению всесоюзных научных съездов...» [37, л. 38].

Это постановление, по всей видимости, оказало наиболее разрушительное влияние на всю последующую деятельность научных обществ, особенно тех, которые возникли еще до 1917 г. В прежние времена даже невзгоды и финансовые трудности в условиях гражданской войны не смогли остановить их работу. Однако постановление, которое помешало ученых в обществах, всегда отличавшихся определенной свободой, автономией, независимостью от политической конъюнктуры, в прокрустово ложе идеологических установок партии, было гибельным. Можно полагать, что именно оно и послужило причиной угасания, самороспуска существовавших научных обществ. В пользу этого говорит и тот отмеченный выше факт, что никакого специального постановления, которое официально закрывало бы эти общества, исследователями не обнаружено.

Именно с 1930 г. начала утверждаться та система партийного руководства наукой, которая существовала вплоть до распада СССР. В русле этих изменений в жизни страны произошло постепенное угасание деятельности таких, например, крупнейших естественнонаучных обществ Украины, как Новороссийское (Одесское) Общество естествоиспытателей, Киевское Общество испытателей природы, Каменец-Подольское Общество естествоиспытателей и любителей природы и др. В докладе К. Коника (1931 г.) о старых обществах говорится только одно — сколько их было на Украине к 1930 г., а о новых речь уже не идет [38, с. 9—10]. В таблице с данными обо всех научно-исследовательских структурах на 1 января 1931 г., приведенной в этой работе, научные общества также отсутствуют, остальные же учреждения (научно-исследовательские институты, музеи, научно-исследовательские станции, филиалы, кафедры, обсерватории, библиотеки) закреплены за соответствующими наркоматами [38, с. 14].

Таким образом, значительное число научных обществ, проводивших исследования по фундаментальным вопросам естествознания, оказались ненужными в складывающейся системе науки, направленной в первую очередь на решение конкретных производственных задач пятилеток. В связи с установкой на решение подобных задач стала формироваться новая система научно-технических обществ, начался новый этап их существования в условиях огосударствления, сращивания с профсоюзами и идеологизации их деятельности. В этот период стали господствующими административно-командные методы организации науки, исключавшие демократизм, самодеятельность и самоуправление в научных обществах, что «автоматически выводило их (общества. — В. С.) за пределы планово управляемых научных учреждений» [30, с. 66; 39, с. 31], хотя сам опыт планового управления наукой не был беспersпективным. В этой связи примечательна

оценка, которую дал возникающей командно-административной системе управления наукой В. И. Вернадский: «Задачи поставленные интересны и опыт направления огромных капиталов на государственное научное строительство — провозвестник будущего. Но все уничтожается в корне выбором людей. Выбирают благонадежных, а не талантливых и знающих. При этих условиях неудача почти несомненна... Машина коммунистическая действует прекрасно, — но мысль остановилась и содержание ее мертвое» [40, с. 84].

Список литературы

1. Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990.
2. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX—XX вв. М., 1980.
3. Степанский А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987.
4. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. М., 1983.
5. Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972.
6. Филиппов Н. Г. Научно-технические общества России (1866—1917 гг.) М., 1976.
7. Менделеев Д. И. Какая же Академия нужна в России // Новый мир. 1966. № 12. С. 176—191.
8. Организация науки в социалистических странах / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986.
9. Александров Д. А., Кременцов И. Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917—1950-е годы) // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 67—79.
10. Конашев М. В., Орлов С. А. Что нового в новых подходах к истории науки. СПб., 1994. (Препринт ИИЕиТ РАН.).
11. Коржихина Т. П. История добровольных обществ и союзов СССР // Вопр. ист. 1981. № 3. С. 17—23.
12. Пилипчук О. Я. Киевское общество естествоиспытателей: 1869—1929: Автореф. дис... докт. биол. наук. М., 1992.
13. Агасьева Д. М. Биологическая мысль в Молдавии второй половины XIX—начала XX в. Кишинев, 1984.
14. Савчук В. С. К истории изучения деятельности научных обществ Приднепровья // История общественной мысли России и Украины XVII—начала XX в. Днепропетровск, 1992. С. 105—111.
15. Савчук В. С. Общественно-научные организации и региональные проблемы: опыт отечественной истории // Наука и культура региона: концепция развития. Улан-Удэ, 1993. С. 47—64.
16. Конго Л. Я. История исследовательских работ по естественным наукам в Эстонии в период до 1917 г. Таллинн, 1987.
17. Польоньска-Василенко Н. Історія України. К., 1992. Т. 2.
18. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX—начале XX века. М., 1991.
19. Савчук В. С. Общественно-научные организации и проблема сохранения научного потенциала общества: опыт отечественной истории (1916—1922 гг.) // Материалы Между. симп. «Развитие науки и преобразования в обществе: опыт, проблемы и стратегии». К., 1993. С. 36.
20. Вернадский В. И. О научной работе в Крыму в 1917—1921 гг. // Наука и ее работники. 1921. № 3—4. С. 3—12.
21. Щербани Т. О. До історії діяльності Українського наукового товариства (1907—1921) // Архіви України. 1991. № 5—6. С. 34—38.
22. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Национальной Академии наук Украины. Ф. Х. Д. 157—180: Далее — ОР ЦНБ НАН Украины.
23. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Национальной Академии наук Украины. Ф. Х. Д. 201.
24. Ряпто Я. Реформа высшей школы на Украине в годы революции (1920—1924 гг.). К., 1925.
25. Об учреждении научно-исследовательских кафедр и об обеспечении научных работников // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. К., 1921. С. 848.
26. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 3. Д. 405.
27. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 1444.
28. К переименованию Одесского Общества естествоиспытателей // Зап. Новороссийского Общества естествоиспытателей. 1927. Т. 43. С. 3—4.
29. Тронько П. Т. Історичне краевидство на Україні у 20—30-х роках // Репресоване краевидство. К., 1991. С. 4—5.

30. Депенчук Л. П. Місцеві наукові товариства при ВУАН // Вісник АН УРСР. 1991. № 8. С. 59—66.
31. Савчук В. С. У истоков Української асоціації фізиків (Із переписки А. Г. Гольдмана і Г. Г. Де Метса) // Очерки істории естествознания и техники. К., 1991. № 39. С. 72—78.
32. Депенчук Л. П. Научные общества и научная общественность: организация и функции // 2-я конф. по социальной истории науки. М., 1990. (Препринт ИИЕиТ АН СССР. № 35.)
33. Пыстиня Л. И. Общественные организации научно-технической интеллигенции Сибири. 20—30-е гг. Новосибирск, 1987.
34. ЦГАВО України. Ф. 166. Оп. 6/У. Д. 9080.
35. Наукові установи та організації УСРР. Харків, 1930.
36. ЦГАВО України. Ф. 166. Оп. 9. Д. 360.
37. ЦГАВО України. Ф. 166. Оп. 9. Д. 1420.
38. Коник К. Плянування науки на Україні. Харків, 1931.
39. Онопрієнко В., Депенчук Л. Організація науки: державне управління чи самоврядування // Вісник АН України. 1993. № 1. С. 23—32.
40. Вернадский В. И. Письма к сыну // Родина. 1990. № 7. С. 84—86.

Е. Г. ВОДИЧЕВ

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР В СИБИРИ: ИМПЕРАТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИМИДЖИ ВОСПРИЯТИЯ

Развитие академической науки — наиболее популярная тема при изучении процессов наращивания научного потенциала на востоке России. Сам контекст сюжета «Сибирь и наука» и в массовом сознании, и в работах специалистов связывается прежде всего с прогрессом в области фундаментальных исследований, которые традиционно считаются прерогативой академического сектора науки. Академическая наука в Сибири «освящена» именами многих крупных российских ученых, здесь были получены научные результаты, имевшие приоритеты в стране и мире. Слово «Академгородок» зачастую рождает больше ассоциаций, чем название города Новосибирска, вблизи которого он расположены.

Несомненно, что для столь широкой известности Академгородка есть реальные основания. Формирование Сибирского отделения Академии наук позволило значительно усилить потенциал отечественной науки, открыв простор для развития новых научных школ и направлений. В определенной степени создание СО АН СССР способствовало выходу из тупика, в котором к концу 50-х гг. оказалась сверхцентрализованная научная система СССР, имевшая ограниченные возможности для новых точек роста в центре страны и в рамках традиционных научных учреждений. Организация научного центра коренным образом меняла и облик региона, в котором он создавался. Не случайно уже первые шаги по формированию СО АН СССР вызвали прогнозы зарубежных commentators о том, что в основе развития Сибири отныне будут лежать два фактора: «дешевая энергия и наука» [1, с. 187].

Данная статья посвящена проблеме формирования и последующего развития именно академического комплекса Сибири. В центре внимания будет находиться Новосибирский Академгородок — ядро Сибирского отделения РАН, бывший некогда предметом особой гордости Советского Союза, а ныне вызывающий приступы мигрени и у региональных властей, и у правительства России. Цель статьи — объяснить факторы и императивы формирования научного комплекса в Сибири, обусловившие его быстрый прогресс в конце 50-х — 60-е гг. При этом особый акцент будет сделан на проблеме имиджа научного центра, удачный выбор которого следует рассматривать в качестве важнейшего условия этого успеха.

Сразу же подчеркнем, что одно из широко распространенных заблуждений, возникших в общественном мнении под влиянием «героического» имиджа Ака-